

Перспективы применения примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии

Аннотация. Статья посвящена допустимости использования примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии. Анализируя развитие современного стандарта реагирования на акты домашнего насилия, автор приходит к выводу о том, что, основанный на идее задействования полномасштабных механизмов уголовной репрессии в отношении обидчиков и парадигме наказания, он имеет ряд недостатков, в частности не учитывает потребности пострадавших, динамику семейных конфликтов, близкий характер отношений их участников, обуславливающий возможное желание сторон, в том числе пострадавшей стороны, сохранить отношения. С учетом сказанного предлагается активное задействование примирительных процедур в делах о домашнем насилии, если в результате оценки рисков будет установлено, что это не ставит под угрозу жизнь и здоровье жертв и соответствует их потребностям. Целесообразно использовать механизм уголовной медиации, хорошо зарекомендовавший себя в ряде зарубежных юрисдикций (например, во Франции, в Польше, Финляндии, Австрии). В статье предложен приемлемый формат медиации как альтернативы или дополнения к классическому уголовному преследованию, основанной на косвенном посредничестве и осуществляемой независимым от государства, прошедшим специальную подготовку медиатором, когда утверждение и исполнение соглашения контролируются судом и уполномоченными органами.

Ключевые слова: домашнее насилие; семейное насилие; насилие в семье; примирительные процедуры; медиация; медиация по уголовным делам; восстановительное правосудие; альтернативы уголовному преследованию; риск-ориентированный подход; медиатор

Для цитирования: Берёза З. М. Перспективы применения примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 152–168. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.152-168

Prospects for the Application of Conciliation Procedures in Criminal Cases of Domestic Violence

Zlata M. Bereza, Graduate of the Graduate School of Law, HSE University, Practicing Lawyer,
Moscow, Russian Federation
zlata_br96@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the admissibility of using conciliation procedures in criminal cases of domestic violence. Analyzing the development of the modern standard of response to acts of domestic violence, the author comes to the following conclusion. Being based on the idea of using full-scale mechanisms of criminal repression against offenders and the paradigm of punishment, it has a number of shortcomings, in particular, it does not take into account the needs of victims, the dynamics of family conflicts, the close nature of the relationships of their participants, which determines the possible desire of the parties, including the injured party, to maintain

© Берёза З. М., 2026

* Берёза Злата Михайловна, выпускница Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», практикующий юрист
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
zlata_br96@mail.ru

the relationship. In view of the above, it is proposed to actively use conciliation procedures in cases of domestic violence if, as a result of a risk assessment, it is determined that this does not pose a threat to the life and health of victims and meets their needs. It is advisable to use the mechanism of criminal mediation, which has proven itself in a number of foreign jurisdictions (for example, in France, Poland, Finland, Austria). The paper proposes an acceptable format of mediation as an alternative or supplement to classical criminal prosecution, based on indirect mediation and carried out by a mediator independent from the state, who has undergone special training, in which the approval and implementation of the agreement is controlled by the court and authorized bodies.

Keywords: domestic violence; domestic abuse; violence in family; conciliation procedures; mediation; criminal mediation; restorative justice; alternatives to criminal prosecution; risk-based approach; mediator

Cite as: Bereza ZM. Prospects for the Application of Conciliation Procedures in Criminal Cases of Domestic Violence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):152-168. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3. 152-168

Введение

Насилие в отношении близких лиц, совершенное в семье, в партнерских отношениях, является распространенным социальным явлением, имеющим эпидемический охват. По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, в 2021 г. в Российской Федерации зарегистрировано 69 257 бытовых преступлений, 46 592 из них совершено на семейно-бытовой почве¹.

На международном уровне и в зарубежных странах к настоящему времени сложился определенный стандарт правовой реакции на данный социальный феномен, основанный на криминализации проявлений домашнего насилия, неотвратимости наказания и сепарации обидчика от жертвы. Вместе с тем его повсеместное применение зачастую подвергается критике, в том числе за слабый учет интересов пострадавших и разрыв близких, семейных отношений, даже если это идет вразрез с их потребностями. Например, в России попытки принятия специального законодательства о домашнем насилии, основанного на указанном стандарте, встречали не только поддержку, но и общественное сопротивление, обвинения в «разрушении семей»².

Полагаем, что многогранность домашнего насилия, обуславливающая сложность правовой реакции на него, близкие отношения

между обидчиком и жертвой требуют более чувствительного и дифференцированного подхода государства к решению данной проблемы. В указанной связи, а также с учетом опыта ряда зарубежных стран видится заслуживающей дополнительного изучения возможность применения альтернатив уголовному преследованию, в частности различных форм примирительных процедур, в подобных делах.

В статье будут рассмотрены история формирования международного стандарта правовой реакции на домашнее насилие, проанализированы его недостатки, требующие поиска более приемлемых альтернатив, оценены перспективы применения медиации в уголовных делах о домашнем насилии и, в случае признания принципиальной допустимости ее применения, предложена наиболее приемлемая модель уголовной медиации, которая позволила бы в наибольшей степени учесть интересы пострадавших.

1. Развитие современных механизмов правовой реакции на домашнее насилие: формирование полицейской (репрессивной) модели

Несмотря на масштаб и разнообразие проявлений домашнего насилия, современные контуры

¹ Цит. по: Вакуленко Н. А., Ачкасова М. Г. Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности // Юрист-Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 90.

² Почти 90 % россиян выступили за закон о домашнем насилии // URL: <https://www.rbc.ru/society/13/06/2024/6669ccdb9a7947f5d3b0376b> (дата обращения: 21.06.2025).

механизмов правовой реакции на него сложились не сразу. Впервые домашнее насилие как национальная проблема было осмыслено в Соединенных Штатах Америки, после выхода в 1962 г. статьи Г. Кемпа и др. «Синдром избиваемого ребенка»³.

Впрочем, с 1960-х и до первой половины 1980-х гг. реакция публичной власти на домашнее насилие в США включала в себя в основном бездействие, поскольку превалировало отношение к нему как к частному делу⁴. Так, в 1970–1980 гг. полиция редко прибегала к задержанию предполагаемых обидчиков: по статистике, арест производился лишь в 3–10 % случаев⁵.

Со временем отношение к данному феномену и необходимым формам правовой реакции на него как в отдельных странах, так и в мировом сообществе совершило скачок от полного непризнания ответственности государств в данной области до формирования концепции позитивных обязательств (positive obligations)⁶ и должной заботы (due diligence)⁷ органов власти для защиты пострадавших от данного явления. Сформулированные международными универсальными и региональными механизмами в области защиты прав человека подходы к объему подобных обязательств формируют основу систем борьбы с домашним насилием в национальных юрисдикциях.

Применительно к Российской Федерации особый исследовательский интерес представляет *европейский* стандарт защиты, который формировался под эгидой органов Совета Европы. Основным актором, внесшим наибольший вклад в выработку этого стандарта, стал Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) — контрольный механизм, обеспечивающий исполнение обязательств государств-членов по Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950). Кроме того, в 2011 г. принята Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (далее — Стамбульская конвенция)⁸, к которой присоединились почти все страны — члены этой организации⁹. Хотя Россия покинула Совет Европы в 2022 г.¹⁰, не присоединившись к Стамбульской конвенции, европейский стандарт защиты от домашнего насилия некоторое время применялся и в нашей стране через практику ЕСПЧ.

ЕСПЧ определяет триаду обязательств государств по защите жертв домашнего насилия:

1) создание надлежащей нормативной правовой базы и адекватной практики применения законодательства о домашнем насилии, в том числе путем криминализации его проявлений, обеспечения неотвратимости наказания, а также своевременного и пропорционального

³ См.: Лысова А. В., Щитов Н. Г. Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 101.

⁴ См.: Ross L. E. Domestic Violence and Criminal Justice. New York : Routledge, 2018. P. 105 ; Лысова А. В. Насилие в семье — объект социальной политики в США // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 109.

⁵ См., например: Zorza J. The criminal law of misdemeanor domestic violence, 1970–1990 // Journal of Criminal Law and Criminology. 1992. Vol. 83. No. 1. P. 48.

⁶ См., например: п. 128–149 постановления ЕСПЧ от 09.06.2009 по делу «Опуз (Opuz) против Турции» (жалоба № 33401/02).

⁷ См., например: п. 57 доклада от 16.04.2001 № 54/01 Межамериканской комиссии по правам человека по делу «Мария да Пенья Майя Фернандис против Бразилии» (дело № 12.051).

⁸ Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (CETS № 210) (Стамбул, 11.05.2011) // URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ До выхода России из Совета Европы Стамбульская конвенция не была подписана лишь Россией и Азербайджаном. В 2021 г. Стамбульскую конвенцию денонсировала Турция (URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treaty=210> (дата обращения: 15.06.2025)).

¹⁰ Федеральный закон от 28.04.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

применения мер уголовной репрессии в ответ на соответствующие жалобы пострадавших;

2) наличие превентивных мер защиты, позволяющих обезопасить жертву от повторных актов домашнего насилия, в том числе эффективное применение института защитных предписаний (охранных ордеров, protective (restraining) orders), призванного обеспечить сепарацию обидчика от жертвы;

3) проведение эффективного расследования по фактам домашнего насилия, включающего в том числе публичный характер выдвижения обвинений, не предполагающий возможность примирения сторон¹¹.

Сформулированный ЕСПЧ и иными региональными и универсальными правозащитными структурами (например, Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин¹²) подход, который в литературе иногда называют *полицейским (репрессивным, карательным)*¹³, зиждется на идее о важности безальтернативного применения к обидчикам публичных механизмов уголовно-правовой реакции на преступление (как правило, без учета мнения пострадавших), обязательной сепарации обидчика от жертвы, неотвратимости применения уголовного наказания к виновному лицу. Он также основан на феминистических представлениях о природе и характере домашнего насилия как формы гендерной дискриминации женщин и исходит из необходимости их приоритетной защиты¹⁴.

Формирование подобной модели в международном праве в области прав человека и законодательстве зарубежных государств во многом объяснимо. Оно связано с укорененными

в обществе стереотипами о частном характере домашнего насилия, якобы не требующего вмешательства органов публичной власти, тривиализацией данной проблемы, недооцениванием ее серьезности правоохранительными органами, со стигматизацией жертв и с несовершенством правового регулирования¹⁵. Поскольку это создает значительные сложности в вопросах выявления и расследования подобных преступных посягательств, для защиты жертв власти стремятся максимально устранить дискрецию на стороне как пострадавших, так и должностных лиц в возможности влиять на ход процесса, фактически приравняв криминальные действия внутри семьи к тем, что совершаются за ее пределами, и даже несколько ужесточив общие меры уголовно-правовой репрессии, которые применимы к домашним агрессорам в рамках профилактики, превенции и расследования уголовных дел.

2. Критика полицейского (рестриктивного) подхода как формы реакции на домашнее насилие (на примере уголовной политики США)

Несмотря на достоинства, обоснованность повсеместного применения карательного подхода как формы реакции на домашнее насилие вызывает дискуссии в научном сообществе, особенно в странах с длительной практикой его применения, в частности США¹⁶.

А. Данный подход, предполагающий отношение к женщине как к пассивной жертве, сильно упрощает видение динамики насильственных отношений, отрицая их реципрокную природу¹⁷.

¹¹ См., например: п. 77 постановления ЕСПЧ от 09.07.2019 по делу «Володина (Volodina) против России» (жалоба № 41261/17).

¹² См., например: мнения Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 06.11.2017 по делу «О. Г. против Российской Федерации» (сообщение № 91/2015).

¹³ См.: Лысова А. В. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁴ См., например: п. 184–202 постановления ЕСПЧ по делу «Опуз (Opuz) против Турции».

¹⁵ См.: Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. канд. юрид. наук Н. А. Голованова. М. : Юстицинформ, 2011. С. 13–28.

¹⁶ См.: Лысова А. В. Указ. соч. С. 109.

¹⁷ См.: Etsikovitz Z., Bushbinder E. Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence. Thousand Oaks, California : Sage, 2000.

По мнению А. Миллс, насилие в семье представляет собой взаимный процесс, в котором активно участвуют обе стороны конфликта¹⁸. Однако, имея примерно равный «насильственный потенциал» с мужчинами, женщины, будучи слабее физически, проявляют его в пассивных или не прямых формах¹⁹. Ученые подчеркивают, что физическое и эмоциональное насилие — единый процесс динамики семейного конфликта, причем второе часто является прологом к первому. Таким образом, оба партнера, как правило, способствуют эскалации конфликта, и роль женщин в этом нельзя недооценивать²⁰.

Отечественная криминологическая доктрина также незнакома с тезисом о пассивности жертв семейного насилия. Напротив, поведение потерпевшего, вне зависимости от пола, признается важным фактором обострения конфликта и, как следствие, совершения преступления, а иногда (хотя и нечасто) даже непосредственной его причиной, если речь идет о виктимном поведении²¹. Так, Л. А. Колпакова подчеркивает влияние жертвы на генезис семейного преступления, утверждая, что любое такое деяние — это взаимодействие преступника и жертвы²². Мнение о социальном взаимодействии и даже «партнерстве» обидчика и пострадавшего разделяют такие ученые, как С. Н. Абельцев, Д. В. Ривман,

В. И. Полубинский, Г. Й. Шнайдер. Советский криминолог Л. В. Франк отмечал, что жертва часто вносит вклад в посягательство, направленное против себя самой²³. Поэтому случается, что виновные не признают или в полной мере не осознают свою вину, т.к. считают, что сама жертва, с которой их связывали родственные и семейные узы, неправильными поступками вызвала взрыв агрессии²⁴.

Б. Сомнению подвергаются конкретные карательные практики реагирования на акты домашнего насилия. Так, обязательный арест в США, согласно исследованиям, оказывает кратковременный сдерживающий эффект, тогда как в долгосрочной перспективе ведет к эскалации конфликта²⁵. Обязательное информирование правоохранительных органов медицинскими работниками воспринимается жертвами как нарушение конфиденциальности, подрывает доверие, лишает их контроля над ситуацией и удерживает от обращения за помощью²⁶. Эффективность сепарации партнеров также не подтверждается статистикой: более половины пострадавших женщин хотят сохранить семью, а 50–60 % из них возвращаются к абьюзивным партнерам²⁷.

В. Репрессивная политика властей зачастую не учитывает индивидуальные потребности и

¹⁸ Цит. по: Лысова А. В. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁹ См.: Björkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukainen A. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // *Aggressive behavior*. 1992. No. 18. P. 117–127.

²⁰ См.: Murphy C. M., O'Leary K. D. Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology*. 1989. Vol. 57 (5). P. 579–582.

²¹ См.: Шахов В. И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. С. 149.

²² См.: Колпакова Л. А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 32.

²³ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 42.

²⁴ См.: Антонян Ю. М., Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М., Сапрунов А. Г. Насилие в семье / под ред. Д. К. Нечкина. М.: ВНИИ МВД России, 1999. С. 9.

²⁵ См.: Sherman L. W. et al. The variable effects of arrest on criminal careers: the Milwaukee domestic violence experiment // *Journal of criminal law and criminology*. 1992. Vol. 83. No. 1. P. 137–169.

²⁶ См.: Rodriguez M. A., Shelton W. R., Rao N. Abused patient's attitude about mandatory reporting of intimate partner abuse injuries to police // *Domestic violence and health care policies and prevention* / ed. by C. Reyes, W. J. Rudman, C. R. Hewitt. New York : Haworth Medical Press, 2002. P. 35–147.

²⁷ См.: Mills L. Insult to injury. Rethinking our responses to intimate abuse. Princeton : Princeton University Press, 2003.

мотивы пострадавшего, лишает его контроля над ситуацией и права делать собственный выбор в обмен на защиту, которую дает государство²⁸. По мнению Ш. Ханна, она не только не решает проблему столкновения разнонаправленных интересов государственного контроля и сохранения автономности личности, но ведет к виктимизации пострадавших²⁹. А. Миллс также полагает, что игнорирование потребностей жертвы является формой «эмоционального насилия» государства³⁰.

Г. Уголовная политика государств в сфере домашнего насилия часто игнорирует факт его совершения в семье, близкими людьми. Согласно концепции нормативной неопределенности, помимо социальных и правовых механизмов, связывающих членов семьи, существуют нормы, оправдывающие определенный уровень насильственного поведения между ними (например, физическое наказание детей) и другие криминальные поступки. Так, наказания за кражу, совершенную ребенком у родителей и у постороннего человека, различны. Поэтому применение к семье, в которой совершено преступление, норм, действующих за ее пределами, может быть проблематичным. В частности, трудно ожидать от органов публичной власти полного понимания уникальных обстоятельств каждой семьи и действий человека, совершившего преступление³¹.

Таким образом, существующий карательный подход к правовой реакции на домашнее насилие как минимум требует дополнительного критического осмысления. Вместе с тем вышеотмеченные аспекты не свидетельствуют о необходимости полного отказа от данной мо-

дели правовой реакции на домашнее насилие. Напротив, применение мер уголовной репрессии необходимо в ситуациях, когда в результате семейного конфликта имеется угроза для жизни и риск тяжкого вреда здоровью его участников или отсутствуют желание и перспективы урегулирования противоречий мирным путем. Однако безальтернативное применение такого подхода без учета потребностей пострадавших, специфики и динамики конкретного конфликта, как это во многом происходит сейчас, не всегда оптимально с точки зрения уголовной политики государства в целом, а также наилучшей защиты жертв в частности.

3. Применение реститутивного (восстановительного) подхода в делах о домашнем насилии: *pro et contra*

Идея о том, что применение традиционных форм правовой реакции на преступление далеко не всегда необходимо и оправданно, особенно если речь идет о деяниях, совершенных в контексте близких отношений, не нова. В уголовной доктрине она находит отражение в рамках дискуссии о применении альтернатив уголовному преследованию, а также концепции так называемого восстановительного правосудия (*restorative justice*)³².

Данная концепция сформировалась в качестве реакции на наметившийся в 1970-х гг. кризис классической системы разрешения споров и практик урегулирования конфликта, основанных на конфронтации сторон, который коснулся и системы уголовной юстиции³³. Еще в 1977 г. знаменитый норвежский криминолог Н. Кри-

²⁸ См.: *Sherman L. W. et al.* Op. cit. P. 137–169.

²⁹ См.: *Hanna C.* No right to choose: mandated victim participation in domestic violence prosecutions // *Harvard Law Review*. 1996. No. 109. P. 1868–1869.

³⁰ См.: *Mills L.* Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention // *Harvard Law Review*. 1999. No. 113. P. 550–613.

³¹ См.: *Лысова А. В., Щитов Н. Г.* Указ. соч. С. 107.

³² Некоторые авторы используют термин «восстановительная юстиция», т.к. подобные практики реализуются за пределами государственной судебной системы и к «правосудию» не относятся. См., например: *Арутюнян А. А.* Медиация в уголовном процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2013. С. 3.

³³ См.: *Карнозова Л. М.* Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М. : Проспект, 2022. С. 10.

сти утверждал, что система уголовной реакции на преступления должна переориентироваться на потерпевшего, которому нужно вернуть активную роль полноправного участника спора, утраченную им при усилении публичных начал в уголовном процессе³⁴, а назначение уголовной юстиции в такой парадигме должно быть в том, чтобы помочь жертве и нарушителю разрешить конфликт³⁵. Однако классическая система уголовной реакции на преступление, основанная на наказании, этим не занимается, фактически используя жертву в своих целях, мало заботясь об удовлетворении ее потребностей³⁶. Подобные рассуждения дали импульс поиску альтернатив уголовному преследованию с фокусом на усилении роли пострадавших, а также механизмов и практик, основанных на идеях согласия и примирения, которые позже объединились в концепцию восстановительного правосудия. Их восстановительный характер обусловлен стремлением к восстановлению разрушенных насилем отношений, желанием избежать повторной виктимизации жертвы, стигматизации обидчика и помочь их «исцелению».

Сложно отрицать применимость подобного подхода (безусловно, когда это возможно и безопасно) к ситуации конфликтов в семье, где, как правило, стремление к мирному разрешению и нормализации отношений между сторонами особенно велико. Н. Кристи отмечает, что наказывающий стиль социального контроля государства неприменим к преступлениям в семье: с учетом близкой социальной дистанции между обидчиком и жертвой наказание лишь умножит зло, причиненное пострадавшему. Так, в результате ареста дети не видят отца, семья испытывает материальные лишения, поскольку он утрачивает заработок, жена продолжает любить

мужа и, более того, может винить в произошедшем себя³⁷.

Более того, в ситуации домашнего насилия вред в первую очередь причиняется конкретному лицу и лишь затем государственным интересам³⁸, что требует большего внимания к потребностям пострадавших, которые иногда нельзя удовлетворить в ординарных механизмах уголовной юстиции.

Согласимся, что применение уголовной репрессии в отношениях между близкими людьми не всегда оправданно. Поэтому государственная политика в сфере семейного насилия должна отличаться от традиционных подходов к борьбе с преступностью сбалансированным характером и необходимостью учета разнонаправленных интересов. Л. А. Колпакова отмечает, что институт семьи находится на стыке частных и публичных интересов, что, несомненно, затрудняет установление допустимых пределов вмешательства государства в дела семьи и нормативного регулирования данной области³⁹. В. И. Шахов также убежден, что решение проблемы насилия в семье уголовно-правовыми средствами должно строиться на строгом соблюдении баланса между правом на свободу и правом на безопасность личности. Полагаем возможным согласиться с мнением, что «каждая семья имеет свой уголовный кодекс»⁴⁰.

В этой связи считаем оптимальным сочетание рестриктивного и реститутивного подходов к правовой реакции на акты домашнего насилия. Это может выражаться в активном использовании примирительных процедур для случаев, когда стороны конфликта заинтересованы в сохранении семейных отношений и их использование не несет угрозы безопасности жертвы. В иных ситуациях, когда примирение

³⁴ Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17. No. 1. P. 1–15. URL: <http://www.jstor.org/stable/23636088> (дата обращения: 15.06.2025).

³⁵ См.: Ван Несс Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 45.

³⁶ См.: Карнозова Л. М. Указ. соч. С. 49, 51.

³⁷ Цит. по: Лысова А. В. Указ. соч. С. 114.

³⁸ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 81.

³⁹ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 4.

⁴⁰ Цит. по: Шахов В. И. Указ. соч. С. 38, 61.

и сохранение семьи невозможны и есть риск для безопасности и даже жизни жертвы, должен запускаться полномасштабный механизм уголовно-правовой реакции на преступление.

4. Примирительные процедуры (медиация) в делах о домашнем насилии: международные подходы и зарубежный опыт

Говоря о допустимости примирительных процедур при построении модели правовой реакции на домашнее насилие, необходимо определиться с формой, которую они могут принимать. Полагаем, что не каждая альтернатива уголовному разбирательству является адекватной формой разрешения семейного конфликта. Так, в США имелся опыт снятия обвинения или смягчения меры наказания в связи с прохождением обидчиком специальной консультационной программы, психотерапии, и они показали невысокую эффективность в предотвращении рецидивов актов насилия, а иногда имели обратный эффект⁴¹.

Одним из наиболее эффективных способов альтернативного разрешения споров является медиация⁴². Но, невзирая на применимость данного механизма в гражданских, трудовых, семейных спорах, в уголовном процессе, который направлен на приоритетную защиту публичного

интереса, возможность использования медиации не столь очевидна. В России, несмотря на дискуссии в профессиональном сообществе⁴³, ее распространения на уголовные правоотношения не произошло. Вместе с тем во многих зарубежных странах (например, Канаде, Великобритании, США, Германии, Франции, Нидерландах, Бельгии, Финляндии, Норвегии, Австрии, ряде стран СНГ) медиация применяется в уголовном судопроизводстве⁴⁴.

Согласно Рекомендации Комитета министров Совета Европы об уголовной медиации посредничество (медиация) понимается как любой процесс, в рамках которого пострадавший и правонарушитель имеют возможность в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принимать участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления⁴⁵.

К достоинствам медиации отнесены гибкость, конфиденциальность, активная роль сторон, развитие чувства ответственности у нарушителя, право жертвы вступать в диалог с ним, получать извинения и возмещение ущерба, помощь в предупреждении преступлений, разрешение сопутствующих конфликтов менее репрессивными способами и др.

Процедура может различаться в зависимости от модели посредничества. Оно может иметь вид встреч нарушителя и жертвы (victim-offender

⁴¹ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 82–83.

⁴² См.: Карнозова Л. М. Указ. соч. С. 49, 51.

⁴³ Закон не повысит качество медиации // URL: <https://fparf.ru/news/fpa/zakon-ne-povysit-kachestvo-mediatsii/> (дата обращения: 16.06.2025); проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» // URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=69576> (дата обращения: 16.06.2025).

⁴⁴ См.: Смирнов А. М. О возможности имплементации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника в сферу российских уголовно-правовых отношений в свете рекомендации Комитета министров Совета Европы по медиации в уголовных делах // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 30.

⁴⁵ Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров государствам — членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах // URL: <https://mediation-eurasia.pro/wp-content/uploads/2018/04/rekomendacii-r-99-19-komiteta-ministrov-soveta-evropy-posvjashhennaja-mediicii-po-ugolovnym-delam.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

mediation) с участием независимого посредника или представлять собой рассмотрение уголовных дел с привлечением местного сообщества («круги правосудия»⁴⁶). Различия часто основаны на разнице в уполномоченных на осуществление медиации органах: так, службы примирения могут быть независимы от государства или, напротив, встроены в службы пробации, исправительные, социальные службы⁴⁷.

Медиация в уголовном процессе, согласно вышеупомянутой Рекомендации, допустима при ряде условий. Так, она может проводиться как альтернатива уголовному разбирательству или дополнение к нему; при условии добровольного согласия сторон, которое может быть отозвано на любом этапе процедуры; при отсутствии спора об основных обстоятельствах дела; если стороны обладают равными переговорными позициями с точки зрения возраста, зрелости, интеллектуального уровня и иных факторов, а также если в отсутствие достигнутого соглашения по итогам примирительных процедур или в случае нарушения условий медиативного соглашения компетентные органы вправе решать вопрос о дальнейшем ходе уголовного дела.

Сомнительно использование медиации по тяжким и особо тяжким делам, если ее успешное проведение связано с прекращением уголовного дела. Как видится, следует законодательно исключить подобную возможность или ограничить применение медиации по таким категориям дел. Последняя опция менее предпочтительна, но именно такой вариант реализован в некоторых зарубежных странах, в частности в Польше⁴⁸.

Таким образом, в отдельных случаях возможность уголовной медиации, как и иных форм посредничества, может быть ограничена. К ним относятся по общему правилу и ситуации домашнего насилия. Например, пункт 3.9.1 Пособия для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин ООН рекомендует запретить посредничество при применении насилия к женщине до начала и в ходе судебного разбирательства⁴⁹. Рекомендации Совета Европы о минимальных стандартах работы с домашними агрессорами гласят, что медиация или иная форма посредничества не является адекватной реакцией на домашнее насилие⁵⁰. Сходное положение закреплено в ст. 48 Стамбульской конвенции: стороны принимают необходимые законодательные или иные меры, запрещающие обязательные альтернативные процессы по разрешению споров, включая медиацию и примирение, в отношении всех форм насилия, подпадающих под сферу действия Конвенции.

Среди причин недопустимости применения примирительных процедур указанные международные акты выделяют следующие.

Во-первых, если посредничество является альтернативой уголовному преследованию, это фактически выводит уголовные дела о насилии в семье за рамки разбирательства, позволяя нарушителю избежать ответственности.

Во-вторых, не удовлетворяется условие равенства переговорных позиций сторон, а также прав на отстаивание своих интересов⁵¹. Это связано с тем, что феномен домашнего насилия в тяжелых формах часто выражает стремление

⁴⁶ Программы, основанные на традициях североамериканских индейцев, проводятся преимущественно в Канаде. См., например: Чернухина Л. С. Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 104–116.

⁴⁷ См.: Карнозова Л. М. Указ. соч. С. 83.

⁴⁸ См.: Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Mediation and Domestic Violence: Theoretical Reflection on the Polish Background // International Journal of Criminal Justice Sciences. 2018. Vol. 13. Iss. 2. P. 360.

⁴⁹ Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин. Нью-Йорк : ООН, 2010. С. 46–47.

⁵⁰ Combating violence against women: minimum standards for support services. Strasbourg, 2008. URL: [https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/EG-VAW-CONF\(2007\)Study%20rev.en.pdf](https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/EG-VAW-CONF(2007)Study%20rev.en.pdf) (дата обращения: 16.05.2025).

⁵¹ См.: Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин. С. 47, 282.

агрессора к контролю и превосходству над жертвой⁵², и последняя может страдать от разных состояний (выученной беспомощности (learned helplessness)⁵³, посттравматического стресса (post-traumatic stress disorder)⁵⁴, бессилия, вины, стыда, несостоятельности)⁵⁵, которые не способствуют свободному выражению мнения и артикуляции своих нужд⁵⁶.

В-третьих, велики риски эскалации конфликта в случае некачественно оказанных посреднических услуг⁵⁷.

Несмотря на справедливость данных опасений, нельзя сказать, что они являются уникальными для ситуации домашнего насилия. Так, что касается избежания обидчиками ответственности, необходимо обратить внимание на различное понимание термина «ответственность» в классическом уголовном процессе и в альтернативных методах разрешения споров. Как отмечает С. Г. Келина, всякое преступление должно влечь ответственность, но она не всегда должна состоять в уголовном наказании⁵⁸. С точки зрения парадигмы наказания, если уголовное дело будет разрешено заключением медиативного соглашения, можно считать, что нарушитель избежал ответственности. Однако если подходить к вопросу с точки зрения восстановительного правосудия, согласно которой преступление наносит вред конкретному человеку и порождает у совершившего его лица обязательство загладить вину, что и представляет собой ответственность⁵⁹, то именно такую ответственность

для нарушителя влекут за собой примирительные процедуры. Разница заключается лишь в том, что меру и характер этой ответственности определяют участники конфликта, а не компетентные органы государства.

В части неравенства переговорных позиций полагаем, что любая конфронтация жертвы и обидчика сопряжена со сходными сложностями, ведь совершение любого преступления против личности негативно влияет на психологическое состояние пострадавшего. Вместе с тем процедура медиации широко используется как альтернатива уголовному преследованию для широкого спектра преступлений, совершенных малознакомыми или вовсе не знакомыми людьми, так почему же она должна быть ограничена в случаях их совершения в кругу семьи, когда ценность примирения и разрешения конфликта несоизмеримо выше, чем в ситуации с незнакомцами?

Несмотря на международные рекомендации, в целой группе стран уголовная медиация по делам о домашнем насилии применяется довольно активно. Так, во Франции прокурор вправе по требованию или с согласия пострадавшего провести медиацию между правонарушителем и жертвой домашнего насилия, если преступление небольшой тяжести и совершено впервые и если супруги желают продолжить совместную жизнь⁶⁰. В Польше уголовная медиация является популярным механизмом разрешения семейного конфликта⁶¹. В Финляндии медиация доступ-

⁵² Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Op. cit. P. 360.

⁵³ См.: Walker L. E. Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. Harper & Row, 1979.

⁵⁴ См.: Johnson D. M., Zlotnick C. Hope for battered women with PTSD in domestic violence shelters // Professional Psychology: Research and Practice. 2009. Vol. 40 (3). P. 234–241.

⁵⁵ См.: Vestal A. Domestic Violence and Mediation: Concerns and Recommendations // URL: <https://www.mediate.com/domestic-violence-and-mediation-concerns-and-recommendations/> (дата обращения: 16.06.2025).

⁵⁶ См.: Grillo T. The Mediation Alternative: Process Dangers for Women // The Yale Law Journal. 1991. Vol. 100 (6). P. 1545–1610.

⁵⁷ См.: Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Op. cit. P. 360.

⁵⁸ См.: Келина С. Г. Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект // Восстановительное правосудие. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 72.

⁵⁹ См.: Карнозова Л. М. Указ. соч. С. 71.

⁶⁰ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Франции // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶¹ См.: Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Op. cit. P. 358.

на по уголовным делам о домашнем насилии, причем по состоянию на 2016 г. они составили 18 % от всех урегулированных с помощью данного механизма конфликтов⁶².

В Австрии медиация по делам о домашнем насилии осуществляется специально подготовленными социальными работниками. Наиболее часто для предложения примирительных процедур передаются дела, где причиненный ущерб был небольшой тяжести, физический вред был нанесен впервые и (или) обе стороны заявляют о насилии со стороны партнера⁶³. Наиболее эффективными считаются программы, где медиаторов двое — мужчина и женщина. В ходе такой процедуры со сторонами проводятся индивидуальные беседы, где обсуждаются их эмоции по поводу конкретной ситуации и история насилия в целом, выявляются запросы сторон, выслушиваются предложения о формах мирного урегулирования, а также позиция пострадавшего по вопросу дальнейшего совместного проживания. После этого стороны и два медиатора проводят общую сессию, в ходе которой полученная медиаторами информация, история каждой стороны озвучиваются ими в присутствии всех заинтересованных сторон. Такой подход позволяет сгладить неравенство переговорных позиций сторон за счет того, что история конфликта, а также интересы и ожидания жертвы озвучиваются другим лицом⁶⁴. По статистике, 83 % респондентов утверждали, что после медиации партнеры прекращали проявлять насилие⁶⁵.

В пояснительных замечаниях к Стамбульской конвенции отмечается, что во многих странах, действительно, предусмотрена медиация по

уголовным делам о домашнем насилии, но разработчики желали подчеркнуть негативные эффекты от задействования таких механизмов, особенно если они являются обязательными и призваны подменять классическое уголовное преследование, позволяя агрессору избежать наказания⁶⁶. Таким образом, Стамбульская конвенция не запрещает применение медиации к делам о насилии в семье, но подчеркивает недопустимость ее использования взамен традиционных механизмов уголовной реакции на преступление, когда это идет вразрез с потребностями пострадавших.

Разделяя тезис о первичности учета интересов жертв при принятии решения о допустимости использования примирительных процедур, видим спорным допущение авторов указанных комментариев о возможной обязательности медиации в уголовных делах о насилии в семье, ведь фундаментальным условием ее применения в уголовном процессе по любой категории дел является добровольность — как объективная, в смысле отсутствия юридической обязательности прохождения процедуры примирения, предваряющей возбуждение и (или) рассмотрение уголовного дела, так и субъективная, предполагающая отсутствие принуждения сторон к примирению для урегулирования возникшего спора.

Следует различать примирение сторон в ходе медиации в гуманитарном смысле и примирение как юридический институт, который в некоторых случаях, в зависимости от особенностей национального права, ведет к прекращению уголовного дела. Так, в случае тяжкого (особо тяжкого) преступления медиация хотя и

⁶² См.: *Ervasti K.* Problem-solving justice in criminal and civil justice in Finland // *Utrecht Law Review*. 2018. Vol. 14. Iss. 3. P. 24.

⁶³ См.: *Pelican C.* On the Efficacy of Victim-Offender-Mediation in Cases of Partnership Violence in Austria, or: Men Don't Get Better, But Women Get Stronger: Is it Still True? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2010. Vol. 16 (1). P. 50–51.

⁶⁴ См.: *Pelican C.* Op. cit. P. 52.

⁶⁵ См.: *Михайлович И.* Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2016. Т. 10. № 2. С. 283.

⁶⁶ Explanatory report on the Council of Europe Convention on preventing and combatting violence against women and domestic violence (Istanbul, 11 May 2011), § 251–252 // URL: <https://rm.coe.int/16800d383a> (дата обращения: 16.06.2025). P. 42.

допустима, но даже в случае положительного исхода не влечет прекращение уголовного дела за примирением сторон.

Таким образом, представляется проблематичным подход, отраженный в международных актах по тематике домашнего насилия, о недопустимости использования в подобных делах примирительных процедур. Полагаем, что применение медиативных практик в уголовных делах о домашнем насилии возможно и даже полезно при соблюдении ряда условий, гарантирующих безопасность сторон, а также учет интересов всех участников конфликта.

5. Условия допустимости применения медиации в уголовных делах о домашнем насилии: поиск приемлемой модели

Внедряя институт медиации в процесс рассмотрения дел о домашнем насилии, полагаем необходимым установить дополнительные условия ее использования для надлежащей защиты прав пострадавших.

А. Необходимо выработать механизм разграничения органами, уполномоченными на расследование актов домашнего насилия, случаев, когда примирение возможно и когда необходимы немедленные меры по обеспечению безопасности жертвы от ее возможного обидчика. Как видится, для данных целей возможна имплементация в законодательство так называемого риск-ориентированного подхода к расследованию актов насилия в семье на начальных этапах. Его применение направлено на то, чтобы разорвать круг насилия до эскалации,

осуществляя эффективную работу с потерпевшими, сталкивающимися со всеми уровнями риска, в том числе с низким и средним, чтобы предотвратить возникновение высокого риска⁶⁷.

Сейчас риск-ориентированный подход в российском праве применяется как метод осуществления государственного контроля (надзора)⁶⁸, однако в будущем планируется его распространение на иные сферы общественных отношений. Считаем, что к таким областям может относиться индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции с лицами, совершающими правонарушения и преступления в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих⁶⁹.

При этом внимания требуют выработка критериев отнесения того или иного поднадзорного лица к группе риска и применение в зависимости от этого тех или иных профилактических и (или) превентивных мер. Полагаем, что оценка рисков должна осуществляться вне зависимости от формального привлечения лица к юридической ответственности. Так, в зарубежных странах риск-ориентированный подход в делах о домашнем насилии подразумевает использование инструментов и профессионального суждения для оценки вероятности и потенциальной серьезности будущего рецидива преступного посягательства. Факторы риска могут включать предшествующее насилие, его эскалацию, угрозы причинить вред детям или контролирующее поведение⁷⁰.

Важно предусмотреть и механизмы контроля над уполномоченными должностными лицами для предотвращения возможных злоупотреб-

⁶⁷ См.: Assessing and managing risks in cases of violence against women and domestic violence: Strengthening Risk Assessments, The Risk Management System and Inter-Agency Coordination in Turkey // URL: <https://rm.coe.int/trk-2021-assessing-and-managing-risks-in-cases-of-vaw-and-domestic-vio/1680a2a7cb> (дата обращения: 16.06.2025).

⁶⁸ См.: Равнюшкин А. В. Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного надзора (контроля), осуществляемого территориальными органами МВД России: вопрос расширения сферы его применения // Административное право и процесс. 2018. № 11. С. 20–24.

⁶⁹ См.: Равнюшкин А. В. Указ. соч.

⁷⁰ См.: Guiding systemic responses to survivors of gender-based violence through risk assessment: a survivor-centered approach // URL: <https://www.schliferclinic.com/wp-content/uploads/2023/08/Risk-Assessment-Approaches.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

лений использованием примирительных процедур в тяжелых случаях домашнего насилия. Высокий риск злоупотреблений объясняется, в частности, их предубеждением и стереотипным отношением к жертвам насилия. Так, в России нередки случаи, когда пострадавший принуждается к примирению с обидчиком без задействования специальных механизмов примирения, что является недопустимым и влечет риски для здоровья и жизни жертв⁷¹.

Б. Видится важным сохранить применение медиации по делам о домашнем насилии не только в качестве дополнения к классическим формам уголовного преследования, но и в качестве их альтернативы. Полагаем, что полностью устранять возможность разрешения конфликта путем медиации нецелесообразно, т.к. в ряде случаев, исходя из характера конфликта и интересов пострадавших, избыточное вмешательство государства путем применения механизмов уголовного принуждения излишне. При этом существенной гарантией учета прав пострадавших от насилия при заключении медиативного соглашения будет наличие судебного ex post контроля за его заключением и исполнением, что позволит минимизировать возможные злоупотребления при прохождении такой процедуры.

В. Важен формат посреднических механизмов, оптимальный для рассматриваемой категории дел. Например, медиация может иметь форму косвенного посредничества, исключая необходимость личной встречи между обидчиком и жертвой. Такой подход видится желательным: он позволяет избежать излишней травматизации пострадавшего, а также возможного влияния обидчика на ход медиации и ее финальные результаты, препятствующего учету потребностей жертвы. Медиатору следует убедиться, что пострадавший активно участвует в подготовке медиативного соглашения, а обидчик выражает деятельное раскаяние и обязуется не применять насилие в будущем. Кроме

того, согласимся с авторами, которые считают, что для обеспечения равенства сторон и переговорных позиций в ходе медиации процедуру полезно предварять курсом терапии для жертвы и обидчика⁷².

Г. Повышаются требования к профессиональной подготовке медиатора. Медиаторы, допущенные к работе по таким делам, должны будут пройти специальное обучение, чтобы понимать специфику взаимоотношений обидчика и жертвы в ситуации насилия в семье, мотивы их поступков.

Д. Важно определить уполномоченное на проведение медиации лицо, а также решить, должен ли это быть профессиональный медиатор или функция посредничества при разрешении таких конфликтов может быть возложена на представителей органов государственной власти (например, сотрудников полиции, судей (в том числе в отставке), прокуроров). Полагаем, что с учетом традиционного недоверия пострадавших к правоохранительной системе, особенно если процедуре медиации предшествовал травматичный опыт обращения к представителям власти, нецелесообразно закрепление полномочия по осуществлению примирительных процедур за должностными лицами органов государственной власти⁷³. Более приемлема передача данных полномочий в руки общественных организаций медиации, независимых от государства.

При этом желательно наделить уполномоченные органы государства функцией контроля за результатами и исполнением медиативных соглашений, с тем чтобы избежать рецидива и повторной травматизации пострадавших, особенно если за успешной медиацией следует прекращение уголовного преследования в отношении обидчика. С подобной проблемой пострадавшие от насилия сталкиваются и в случае использования традиционных механизмов уголовной репрессии, ведь после отбытия наказания, как правило, ничто не мешает обидчику снова применять насилие по отношению

⁷¹ См., например: п. 69 постановления ЕСПЧ по делу «Володина (Volodina) против России».

⁷² См.: Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Op. cit. P. 360.

⁷³ См.: Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 25–29.

к пострадавшему. В зарубежных юрисдикциях данная проблема решается посредством разных механизмов, например выдачи защитного предписания (охранного ордера), который применим как до, так и после назначения и даже отбытия лицом назначенного судом наказания⁷⁴.

Заключение

Современные подходы к противодействию домашнему насилию и защите пострадавших, в том числе опирающиеся на международный стандарт, основаны на карательной парадигме правовой реакции на данное явление, необходимости применения к обидчикам публичных механизмов уголовно-правовой реакции на преступление, сепарации нарушителя от жертвы, недопустимости (или ограничения) использования примирительных процедур и неотвратимости наказания.

Несмотря на ряд преимуществ такого подхода, его применение не всегда оправданно, поскольку не учитывает потребности пострадавшего, лишает его контроля, игнорирует специфику близких отношений между обидчиком и жертвой, а также исключает любые возможности для их сохранения.

Таким образом, оптимально сочетание рестриктивного и восстановительного подходов. Это может выражаться в использовании примирительных процедур тогда, когда стороны заинтересованы в сохранении отношений и такой подход не несет угрозы для безопасности жертвы. В иных случаях, когда примирение и сохранение отношений нежелательны и (или)

небезопасны, должны запускаться обычные уголовные механизмы.

Считаем наиболее приемлемой формой примирения в уголовных делах о домашнем насилии уголовную медиацию. С учетом специфики такого насилия и особенностей динамики семейных конфликтов она должна проводиться с соблюдением определенных условий.

Во-первых, необходимо выработать механизм выявления ситуаций, когда использование примирительных процедур возможно и безопасно для жертвы, с помощью риск-ориентированного подхода и оценки рисков.

Во-вторых, важно сохранить юридическую возможность прекращения уголовного преследования обидчика в случае успешного примирения сторон. Гарантией защиты прав пострадавших и отсутствия злоупотреблений будет наличие судебного ex post контроля за заключением медиативного соглашения и последующего контроля правоохранительных органов за его исполнением.

В-третьих, посреднические механизмы должны иметь форму косвенного посредничества, чтобы избежать излишней травматизации пострадавшего и обеспечить равенство переговорных позиций сторон.

В-четвертых, медиаторы по делам о домашнем насилии должны иметь необходимую профессиональную подготовку.

Наконец, целесообразно уполномочить на осуществление медиации независимые от государства общественные организации при условии сохранения контроля за результатами примирительных процедур со стороны правоохранительных органов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонян Ю. М., Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М., Сапрунов А. Г. Насилие в семье / под ред. Д. К. Нечкина. — М. : ВНИИ МВД России, 1999. — 180 с.
2. Вакуленко Н. А., Ачкасова М. Г. Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности // Юрист-Правоведъ. — 2022. — № 2 (101). — С. 90–95.

⁷⁴ См.: Guide to Restraining Orders // URL: <https://vardags.com/law-guide/litigation-basics/guide-to-restraining-orders> (дата обращения: 15.06.2025).

3. Ван Несс Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. — М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. — С. 32–58.
4. Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. канд. юрид. наук Н. А. Голованова. — М. : Юстицинформ, 2011. — 383 с.
5. Каминский Э. С. Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. — 2021. — № 3. — С. 25–29.
6. Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). — М. : Проспект, 2022. — 264 с.
7. Келина С. Г. Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. — М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. — С. 70–81.
8. Колпакова Л. А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук : 20.00.08. — Казань, 2007. — 232 с.
9. Лысова А. В. Насилие в семье — объект социальной политики в США // Социологические исследования. — 2005. — № 12. — С. 108–116.
10. Лысова А. В., Щитов Н. Г. Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США // Социологический журнал. — 2003. — № 3. — С. 99–115.
11. Михайлович И. Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10. — № 2. — С. 280–288.
12. Равнюшкин А. В. Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного надзора (контроля), осуществляемого территориальными органами МВД России: вопрос расширения сферы его применения // Административное право и процесс. — 2018. — № 11. — С. 20–24.
13. Смирнов А. М. О возможности имплементации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника в сферу российских уголовно-правовых отношений в свете рекомендации Комитета министров Совета Европы по медиации в уголовных делах // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2016. — № 2. — С. 30–32.
14. Чернухина Л. С. Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия // Журнал российского права. — 2014. — № 7. — С. 104–116.
15. Шахов В. И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук : 20.00.08. — Ижевск, 2003. — 197 с.
16. Björkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukainen A. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // Aggressive behavior. — 1992. — No. 18. — P. 117–127.
17. Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. — 1977. — Vol. 17. — No. 1. — P. 1–15.
18. Ervasti K. Problem-solving justice in criminal and civil justice in Finland // Utrecht Law Review. — 2018. — Vol. 14. — Iss. 3. — P. 19–30.
19. Etsikovitz Z., Bushbinder E. Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence. — Thousand Oaks, California : Sage, 2000. — 192 p.
20. Grillo T. The Mediation Alternative: Process Dangers for Women // The Yale Law Journal. — 1991. — Vol. 100 (6). — P. 1545–1610.
21. Hanna C. No right to choose: mandated victim participation in domestic violence prosecutions // Harvard Law Review. — 1996. — No. 109. — P. 1849–1909.
22. Johnson D. M., Zlotnick C. Hope for battered women with PTSD in domestic violence shelters // Professional Psychology: Research and Practice. — 2009. — Vol. 40 (3). — P. 234–241.
23. Mills L. Insult to injury. Rethinking our responses to intimate abuse. — Princeton : Princeton University Press, 2003. — 178 p.
24. Mills L. Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention // Harvard Law Review. — 1999. — No. 113. — P. 550–613.

25. *Murphy C. M., O'Leary K. D.* Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology*. — 1989. — Vol. 57 (5). — P. 579–582.
26. *Pelican C.* On the Efficacy of Victim-Offender-Mediation in Cases of Partnership Violence in Austria, or: Men Don't Get Better, But Women Get Stronger: Is it Still True? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. — 2010. — Vol. 16 (1). — P. 49–67.
27. *Rodriguez M. A., Shelton W. R., Rao N.* Abused patient's attitude about mandatory reporting of intimate partner abuse injuries to police // *Domestic violence and health care policies and prevention* / ed. by C. Reyes, W. J. Rudman, C. R. Hewitt. — New York : Haworth Medical Press, 2002.
28. *Ross L. E.* Domestic Violence and Criminal Justice. — New York : Routledge, 2018. — 212 p.
29. *Sherman L. W., Schmidt J. D., Rogan D. P., Smith D. A., Gartin P. R., Cohn E. G., Collins D. J., Bacich A. R.* The variable effects of arrest on criminal careers: the Milwaukee domestic violence experiment // *The Journal of criminal law and criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 137–169.
30. *Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A.* Mediation and Domestic Violence: Theoretical Reflection on the Polish Background // *International Journal of Criminal Justice Sciences*. — 2018. — Vol. 13. — Iss. 2. — P. 356–369.
31. *Walker L. E.* Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. — Harper & Row, 1979. — 270 p.
32. *Zorza J.* The criminal law of misdemeanor domestic violence, 1970–1990 // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 46–72.

Материал поступил в редакцию 22 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Antonyan Yu. M., Gorshkov I. V., Zulkarneev R. M., Saprunov A. G.* Nasilie v seme / pod red. D. K. Nechevina. — M.: VNII MVD Rossii, 1999. — 180 s.
2. *Vakulenko N. A., Achkasova M. G.* Aktualnye statistiko-kriminologicheskie parametry semeyno-bytovoy prestupnosti sovremennosti // *Yurist-Pravoved*. — 2022. — № 2 (101). — S. 90–95.
3. *Van Ness D. U.* Vosstanovitelnoe pravosudie i mezhdunarodnye prava cheloveka // *Vosstanovitelnoe pravosudie* / pod red. I. L. Petrukhina. — M.: Tsentri «Sudebno-pravovaya reforma», 2003. — S. 32–58.
4. *Domashnee nasilie po zakonodatelstvu zarubezhnykh stran: otvetstvennost i preventsiya* / otv. red. kand. yurid. nauk N. A. Golovanova. — M.: Yustitsinform, 2011. — 383 s.
5. *Kaminskiy E. S.* Prokurorskaya mediatsiya v Rossii: est li perspektivy? // *Rossiyskiy sudya*. — 2021. — № 3. — S. 25–29.
6. *Karnozova L. M.* Vvedenie v vosstanovitelnoe pravosudie (mediatsiya v otvet na prestuplenie). — M.: Prospekt, 2022. — 264 s.
7. *Kelina S. G.* Vosstanovitelnoe pravosudie: ugovovno-pravovoy aspekt // *Vosstanovitelnoe pravosudie* / pod red. I. L. Petrukhina. — M.: Tsentri «Sudebno-pravovaya reforma», 2003. — S. 70–81.
8. *Kolpakova L. A.* Nasilie v seme: viktimologicheskiy aspekt, differentsiatsiya otvetstvennosti i voprosy zakonodatelnoy tekhniki: dis. ... kand. yurid. nauk: 20.00.08. — Kazan, 2007. — 232 s.
9. *Lysova A. V.* Nasilie v seme — obekt sotsialnoy politiki v SShA // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. — 2005. — № 12. — S. 108–116.
10. *Lysova A. V., Shchitov N. G.* Sistemy reagirovaniya na domashnee nasilie: opyt SShA // *Sotsiologicheskiy zhurnal*. — 2003. — № 3. — S. 99–115.
11. *Mikhaylovich I.* Problematika mediatsii v sluchayakh domashnego nasiliya // *Kriminologicheskiy zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. — 2016. — T. 10. — № 2. — S. 280–288.

12. Ravnyushkin A. V. Risk-orientirovanny podkhod pri osushchestvlenii gosudarstvennogo nadzora (kontrolya), osushchestvlyаемого territorialnymi organami MVD Rossii: vopros rasshireniya sfery ego primeneniya // *Administrativnoe pravo i protsess*. — 2018. — № 11. — S. 20–24.
13. Smirnov A. M. O vozmozhnosti implementatsii alternativnoy protsedury uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika v sferu rossiyskikh ugovovno-pravovykh otnosheniy v svete rekomendatsii Komiteta ministrov Soveta Evropy po mediatsii v ugovovnykh delakh // *Ugovovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. — 2016. — № 2. — S. 30–32.
14. Chernukhina L. S. Formy uchastiya korennykh narodov Severnoy Ameriki v otpravlenii pravosudiya // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2014. — № 7. — S. 104–116.
15. Shakhov V. I. Nasilie v seme: ugovovno-pravovoe i kriminologicheskoe znachenie: dis. ... kand. yurid. nauk: 20.00.08. — Izhevsk, 2003. — 197 s.
16. Björkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukainen A. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // *Aggressive behavior*. — 1992. — No. 18. — P. 117–127.
17. Christie N. Conflicts as Property // *The British Journal of Criminology*. — 1977. — Vol. 17. — No. 1. — P. 1–15.
18. Ervasti K. Problem-solving justice in criminal and civil justice in Finland // *Utrecht Law Review*. — 2018. — Vol. 14. — Iss. 3. — P. 19–30.
19. Etsikovitz Z., Bushbinder E. Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence. — Thousand Oaks, California: Sage, 2000. — 192 p.
20. Grillo T. The Mediation Alternative: Process Dangers for Women // *The Yale Law Journal*. — 1991. — Vol. 100 (6). — P. 1545–1610.
21. Hanna C. No right to choose: mandated victim participation in domestic violence prosecutions // *Harvard Law Review*. — 1996. — No. 109. — P. 1849–1909.
22. Johnson D. M., Zlotnick C. Hope for battered women with PTSD in domestic violence shelters // *Professional Psychology: Research and Practice*. — 2009. — Vol. 40 (3). — P. 234–241.
23. Mills L. Insult to injury. Rethinking our responses to intimate abuse. — Princeton: Princeton University Press, 2003. — 178 p.
24. Mills L. Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention // *Harvard Law Review*. — 1999. — No. 113. — P. 550–613.
25. Murphy C. M., O’Leary K. D. Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology*. — 1989. — Vol. 57 (5). — P. 579–582.
26. Pelican C. On the Efficacy of Victim-Offender-Mediation in Cases of Partnership Violence in Austria, or: Men Don’t Get Better, But Women Get Stronger: Is it Still True? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. — 2010. — Vol. 16 (1). — P. 49–67.
27. Rodriguez M. A., Shelton W. R., Rao N. Abused patient’s attitude about mandatory reporting of intimate partner abuse injuries to police // *Domestic violence and health care policies and prevention* / ed. by S. Reyes, W. J. Rudman, C. R. Hewitt. — New York: Haworth Medical Press, 2002.
28. Ross L. E. Domestic Violence and Criminal Justice. — New York: Routledge, 2018. — 212 p.
29. Sherman L. W., Schmidt J. D., Rogan D. P., Smith D. A., Gartin P. R., Cohn E. G., Collins D. J., Bacich A. R. The variable effects of arrest on criminal careers: the Milwaukee domestic violence experiment // *The Journal of criminal law and criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 137–169.
30. Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Mediation and Domestic Violence: Theoretical Reflection on the Polish Background // *International Journal of Criminal Justice Sciences*. — 2018. — Vol. 13. — Iss. 2. — P. 356–369.
31. Walker L. E. Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. — Harper & Row, 1979. — 270 p.
32. Zorza J. The criminal law of misdemeanor domestic violence, 1970–1990 // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 46–72.